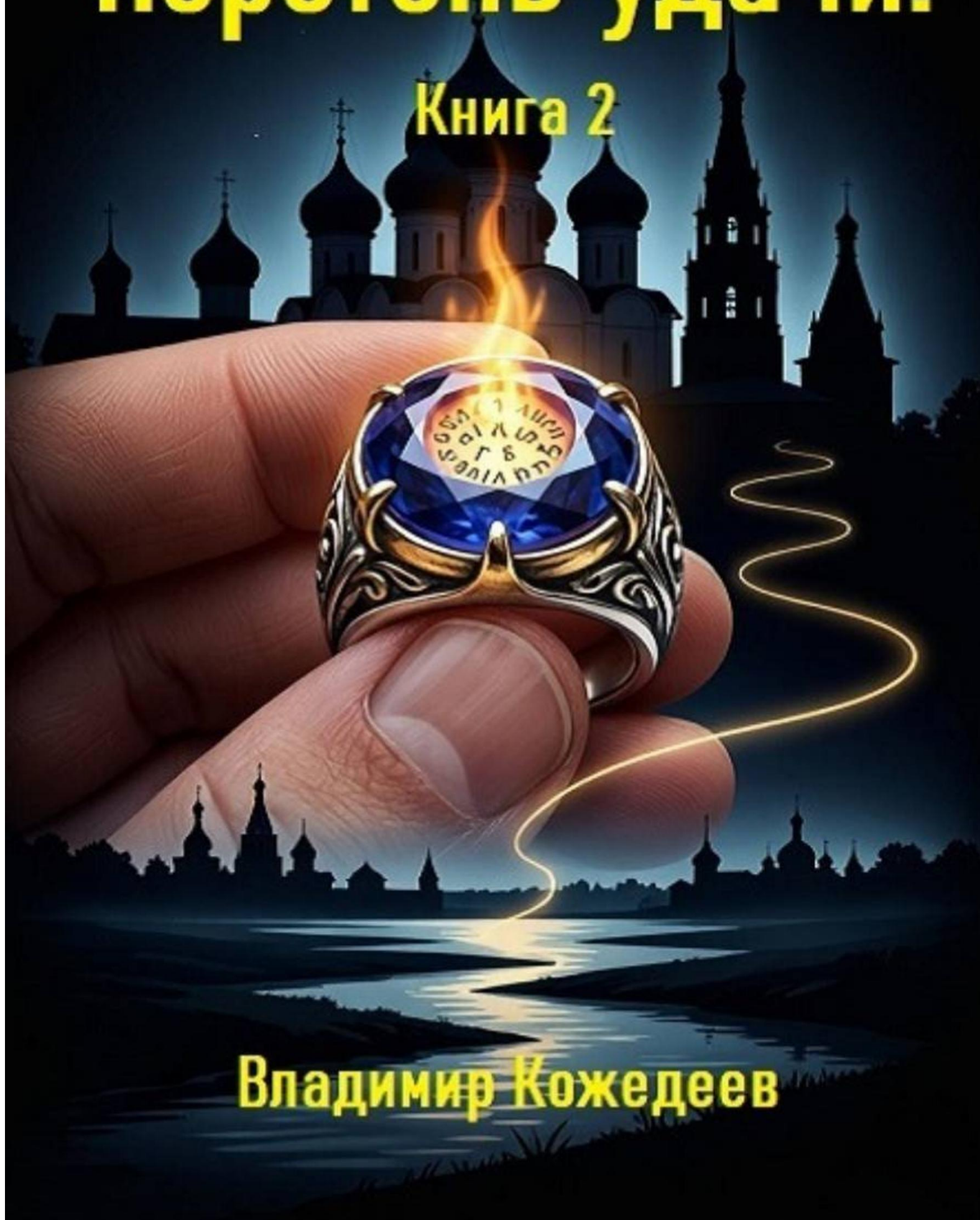

Перстень удачи.

Книга 2

Владимир Кожедеев

Владимир Кожедеев

Перстень удачи. Книга 2

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Перстень удачи. Книга 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Перстень найден. Правда о происхождении Ростислава раскрыта. Но в Москве его ждёт новая тайна — архив тайного ордена «Молчаливых», в котором хранятся имена и доказательства заговоров против императорской власти. Ростислав и Анна, его жена, вместе с верным другом Мирославом погружаются в мир дворцовых интриг, масонских лож и агентов Тайной канцелярии. Кто-то охотится за архивом, готовый убивать, чтобы сохранить свои тайны. Профессор Зверев, который обещает помочь, оказывается двойным агентом. Братья Соколовы, студенты университета, следят за каждым шагом героев. А отец Мирослава, которого считали мёртвым, возвращается, чтобы завершить то, что начал много лет назад. Но Ростислав не только ищет правду. Он восстанавливает родовое поместье, строит мануфактуру, учится быть хозяином земли и судьбы. Его путь — это путь от рыбацкого сына к наследнику рода, от искателя приключений к строителю будущего.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Кожедеев

Перстень удачи. Книга 2

Глава 1

Москва встретила их не звоном колоколов, как обещали путеводители, а сырым, промозглым утром, когда туман стелился над Москвой-рекой, окутывая Кремль и торговые ряды плотной белой пеленой, похожей на простыню, которой накрывают умершего. Запах дыма от тысяч печей смешивался с запахом мокрых досок, прелых листьев и конского навоза, создавая тот особенный, узнаваемый аромат большого города, который невозможно спутать ни с чем другим — он въедается в одежду, в волосы, в память, оставаясь там навсегда. Ростислав стоял у окна своей новой квартиры на Арбате, глядя на улицу, которая только начинала просыпаться — редкие прохожие кутались в тулупы и шинели, заспанный извозчик правил тощую лошаде́нку, старуха несла корзину с пирожками, источая запах кислого теста и растопленного сала, а мальчишка с газетами ещё не начал кричать, потому что голос его сорвался на холодном утреннем воздухе. Город жил своей жизнью, равнодушный к его тайнам и тревогам, и это равнодушие было даже успокаивающим — как будто никто не знал, кто он, и никто не следил за ним.

Они сняли эту квартиру неделю назад — две просторные комнаты с высокими потолками, украшенными лепниной в виде гирлянд из дубовых листьев, и огромными окнами, выходящими во двор, где росли старые липы, чьи ветви уже оголились, готовясь к долгой зиме. Запах здесь был странным: пахло воском и старой бумагой, сухими травами, которые кто-то забыл убрать в шкаф, и ещё чем-то сладковатым и горьким одновременно, что напоминало ладан, смешанный с ржавчиной. Говорили, что здесь когда-то жил дядя Андрей, и Ростислав чувствовал его присутствие, хотя никогда не видел его — это было как тень, которая лежит на всех вещах, как невидимая рука, которая переставляла предметы на своих местах задолго до их приезда.

— Ты не спишь? — спросила Анна, выходя из спальни и кутаясь в шаль, которую Марфа связала ей перед отъездом.

— Не могу, — ответил он, не оборачиваясь. — Слишком много мыслей.

Она подошла к нему, обняла за талию и прижалась щекой к его спине, чувствуя, как бьётся его сердце.

— Я тоже не спала, — сказала она тихо. — Думала о том, что мы здесь не случайно. Кто-то ждал нас. Кто-то хотел, чтобы мы нашли этот ключ.

Ростислав повернулся к ней и поцеловал в лоб, вдыхая запах её волос, пахнувших мёдом и чистым бельём.

— Мы найдём всё, — сказал он. — Что бы там ни было.

Они повернулись к столу, где лежали разложенные книги и бумаги, которые они нашли на чердаке вчера вечером. Анна была сосредоточена, и в её глазах горел тот огонь, который он так любил в ней — огонь исследователя, человека, который не успокоится, пока не докопается до сути, даже если для этого придётся перерывать сотню книг и тысячу документов.

— Здесь есть что-то, — сказала она, не поднимая головы, перелистывая страницы старого, пожелтевшего дневника. — Я чувствую это. Запах. Он как будто идёт откуда-то изнутри, из стен. Как будто здесь что-то спрятано.

Ростислав подошёл к ней и тоже принялся. Действительно — под сладковатым запахом ладана и старой бумаги угадывался ещё один, более резкий и металлический, как будто здесь кто-то хранил старое железо или оружие, пропитанное маслом.

— Дядя Андрей был коллекционером, — сказал Ростислав, садясь рядом с ней. — Мама говорила, что он собирал древности — монеты, оружие, старые книги. Может быть, здесь есть потайная комната. Или тайник.

— В таком старом доме обязательно есть тайники, — сказала Анна, и в её глазах мелькнул тот же азарт, который она проявляла, когда бралась за новое исследование. — Я читала, что в домах XVIII века часто делали ниши за каминами, под половицами, за панелями. Хозяева прятали там деньги, документы, драгоценности.

Они начали осматривать комнату за комнатой. Простукивали стены — там, где звук был глухим, они искали щели. Поднимали половицы — там, где они скрипели или были чуть приподняты. Заглядывали за шкафы и комоды, сдвигая тяжёлую мебель, которая стояла на месте десятилетиями.

И вдруг Ростислав заметил это — одна из половиц в углу спальни, за большим дубовым шкафом, лежала чуть выше остальных, как будто её поднимали и ставили обратно, и она уже не встала на место ровно.

— Анна, иди сюда, — позвал он, приседая на корточки и чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

Она подошла, и они вместе поддели половицу старым кухонным ножом, который нашёлся в ящике. Она поддалась легко — как будто её специально не закрепляли, как будто кто-то хотел, чтобы её нашли. Под ней оказалось небольшое углубление, а в нём — кожаный мешочек, затянутый на шнурке, потемневший от времени и запачканный пылью. Ростислав развязал его и вытряхнул содержимое на ладонь.

Это был ключ. Старый, массивный, из тёмного металла, который блестел в свете свечи, как воронёное серебро, с вкраплениями меди, которые проступали на сгибах. На его головке была выгравирована дата: 1732 и буква «М», вырезанная тонким, изящным шрифтом, каким писали на старинных гербах.

— 1732 год, — прошептал Ростислав, и в его голове щёлкали шестерёнки, как в часовом механизме, который наконец завели. — Это год, когда мой дед, князь Ларин, был приближённым императрицы Анны Иоанновны. Он был одним из её доверенных лиц, членом её тайного совета.

— Значит, это может быть связано с ним, — сказала Анна, беря ключ в руки и рассматривая гравировку под свечой. — Но что это за «М»? Может быть, «Москва»? Или «Михаил»? Или, может быть, название места?

— Не знаю, — ответил Ростислав, сжимая ключ в ладони и чувствуя, как холодный металл нагревается от его тепла. — Но я чувствую, что это — ниточка. И мы должны потянуть за неё. Аккуратно, чтобы не порвать.

В тот же вечер они поехали к княгине Лариной, которая жила в небольшом, но уютном доме на Покровке, недалеко от университета, где она поселилась после возвращения в Москву. Дом был старым, с резными наличниками и зелёными ставнями, которые всегда были закрыты от солнца. Внутри пахло сушёными яблоками, мятой и тем особенным запахом старых вещей, которые помнят много лет и много историй.

Княгиня была рада их видеть — она обняла Анну, поцеловала Ростислава в лоб, как делала всегда, но в глазах её была тревога, та особая тревога, которая появляется у матери, когда она видит, что её сын снова ввязывается в опасные дела, из которых не всегда можно выйти живым.

— Ты нашёл это? — спросила она, увидев ключ, который Ростислав положил на стол, и в её голосе была смесь удивления и страха, как у человека, который увидел призрака из прошлого. — Я думала, что это потеряно навсегда. Я думала, что он забрал его с собой в могилу.

— Что это? — спросил Ростислав, садясь напротив неё и беря её руки в свои. — Что это за ключ? Мама, ты знаешь, что это? Ты должна сказать мне.

Княгиня вздохнула, отпила глоток чаю из фарфоровой чашки, которая дрожала в её руках, и поставила её на стол, собираясь с мыслями.

— Это ключ от архива, — сказала она, и голос её был тихим, как шёпот в исповедальне. — Твой дядя Андрей был хранителем тайного архива «Молчаливых». Это был орден, который собирал компромат на высшую знать. Они знали все секреты — кто продавал государственные тайны, кто изменял императрице, кто замышлял перевороты. Они были как пауки в центре паутины.

— «Молчаливые»? — переспросил Ростислав, и его голос дрогнул от напряжения. — Я никогда не слышал о них.

— Никто не слышал, — сказала княгиня, и в её глазах была та же сталь, что и у него. — Потому что они были уничтожены. В 1732 году, после смерти императрицы Анны Иоанновны, их нашли и казнили. Только твой дядя выжил — он успел спрятать архив до того, как его схватили. Этот ключ — единственный путь к нему.

— Где архив? — спросила Анна, наклоняясь вперёд, и в её голосе был тот же азарт, который появлялся у неё, когда она бралась за новое расследование.

— Я не знаю, — ответила княгиня, и в её голосе была горечь, которую она не могла скрыть. — Твой дядя никогда не говорил мне. Он боялся, что меня убьют, если я узнаю. Но он оставлял знаки. Он оставлял подсказки в книгах, в письмах, в разговорах. Он хотел, чтобы кто-то нашёл их. И я знаю только одно: ключ откроет дверь, но дверь не там, где ты думаешь.

Ростислав сжал ключ в руке, и в его груди поднялась волна решимости.

— Я найду этот архив, — сказал он, и голос его был твёрдым, как сталь. — Ради него. Ради справедливости. Ради того, чтобы правда вышла наружу.

На следующее утро Ростислав отправился в университетскую библиотеку — ту самую, где он учился и где проводил много времени, изучая историю и философию. Это было величественное здание на Моховой, с колоннами и высокими залами, где пахло бумагой, кожей и временем, и где тишина была такой глубокой, что можно было услышать, как падает перо на пол. Ему нужно было найти книгу, которую дядя Андрей мог использовать как тайник для подсказок — или хотя бы намёк на то, где искать.

Он перебрал десятки книг, пока не наткнулся на одну — старую, в кожаном переплёте, с потёртым корешком и золотым тиснением, которое почти стёрлось. Это был труд по истории Древнего Рима, но внутри, между страницами, была заложена записка, пожелтевшая и тонкая, как сухой лист. Он развернул её, и почерк, который он уже начал узнавать — угловатый, торопливый, как у человека, который боялся, что его прервут, — сказал ему:

Ключ откроет дверь, но дверь не там, где ты думаешь. Ищи там, где вода встречается с огнём, и где камень хранит тайну».

Ростислав перечитал записку несколько раз, и в его голове щёлкали шестерёнки, как в механизме, который наконец заработал. Вода и огонь... Камень... Что это может означать? Масонские символы, которые он видел в книгах? Или что-то более конкретное?

— Ты нашёл что-то? — раздался голос за его спиной, тихий и спокойный, но с едва заметной сталью.

Ростислав вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял высокий, худой человек в профессорской мантии, с седыми висками и живыми, умными глазами, которые смотрели на мир с той особенной проницательностью, которая появляется у людей, проводивших много лет за книгами и документами. Это был профессор Зверев, известный историк, который недавно приехал в университет из Петербурга — его рекомендовал сам канцлер Бестужев, что говорило о многом.

— Да, — сказал Ростислав, пряча записку в карман и стараясь, чтобы голос его не дрогнул. — Небольшая загадка. Ищу старую книгу по истории. Труд о Риме, который я видел здесь на прошлой неделе.

— Я могу помочь, — сказал Зверев, и в его голосе была та особая теплота, которая располагает к себе, но в которой Ростислав почему-то почувствовал фальшь. — Я специализируюсь на истории тайных обществ. Если у вас есть вопросы, я всегда рад помочь.

Ростислав почувствовал, как внутри него шевельнулось недоверие — то самое чувство, которое не раз спасало его в прошлом. Слишком вовремя появился этот профессор. Слишком участливый. Слишком заинтересованный.

— Спасибо, — сказал он, улыбнувшись той натянутой улыбкой, которую он научился использовать, когда нужно было казаться дружелюбным. — Я обязательно воспользуюсь вашим предложением, если у меня возникнут вопросы.

Он вышел из библиотеки, и на улице его ждала Анна, стоявшая у колонны и кутавшаяся в шаль от холодного осеннего ветра.

— Я нашёл ещё одну записку, — сказал он, показывая ей листок, и в его голосе был тот же азарт, что и у неё. — Она говорит, что ключ откроет дверь, но дверь не там, где я думаю.

Анна прочитала её, и в её глазах мелькнул тот же огонь, что и у Ростислава — огонь исследователя, который видит, что загадка становится всё ближе.

— Вода и огонь, — прошептала она, перечитывая записку снова. — Камень. Это похоже на загадку из масонских книг, которые я читала в Петербурге.

— Масонских? — переспросил Ростислав, нахмурившись.

— Да, — сказала Анна, и в её голосе была уверенность. — Я читала о них в библиотеке, когда ты учился на философском факультете. Они часто использовали символы. Вода — это жизнь, очищение, начало. Огонь — это страсть, разрушение, возрождение. Камень — это основа, фундамент, вечность. Может быть, речь идёт о каком-то конкретном здании, где есть печь и источник воды?

Они стояли на улице, глядя друг на друга, и чувствовали, как их расследование только начинается. Город вокруг них жил своей жизнью — звенели колокола, скрипели колёса, кричали торговцы, — и они знали, что тайна была где-то рядом. Им нужно было только найти её.

В той же квартире на Арбате, пока Анна перебирала бумаги и книги, Ростислав сидел за столом и размышлял о будущем. Он понимал, что его жизнь теперь — это не только расследования и заговоры, не только поиски тайного архива и расшифровка старых писем. Он был наследником рода Лариных, и это означало ответственность — не только за себя, но и за людей, которые зависят от него, за землю, которая ждала своего хозяина.

Он получил от княгини документы на родовое поместье — усадьбу Лариных под Москвой, которая была конфискована после смерти отца и теперь возвращена ему как законному наследнику. Она была в упадке: амбары сгнили, крыша протекала, дом требовал капитального ремонта, крестьяне разбежались, земли зарастали бурьяном и лесом. Но Ростислав чувствовал, что это — не просто земля. Это его опора, его основа, его будущее.

— Надо поднимать хозяйство, — сказал он Анне вечером, когда они пили чай на кухне, и за окном уже сгущались сумерки, а в комнате горела свеча, отбрасывая тёплые тени на стены. — Это не просто наш долг перед родом. Это наша опора. Если мы хотим быть независимыми, если мы хотим иметь силы для расследований и право на правду, у нас должно быть крепкое хозяйство. Деньги, которые дают нам свободу.

Анна кивнула, и в её глазах была та же твёрдость, что и у него.

— Я помогу тебе, — сказала она, и в её голосе была уверенность. — Я умею считать и знаю, как вести книги. Я буду вести расходы и доходы, следить за obroком, считать урожай. Мы сможем восстановить его вместе. Я уже начала составлять список того, что нужно сделать в первую очередь.

Ростислав улыбнулся, и в его груди поднялось тепло — он знал, что может положиться на неё. Он знал, что она будет с ним в этом деле так же преданно, как и в расследовании. И он знал, что его новый путь — это не только тайны и загадки, но и созидание, строительство и труд. Он будет строить. Он будет восстанавливать. Он будет создавать мир, в котором можно жить и растить детей, не боясь за их будущее.

Он достал старый, потёртый план поместья, который нашёл в бумагах княгини, и развернул его на столе. Это была карта — с полями, лесами, рекой, с домом и хозяйственными постройками. Он смотрел на неё, и в его голове рождались планы.

— Мы начнём с ремонта крыши и амбаров, — сказал он, проводя пальцем по карте. — Потом — новый скотный двор. А весной — начнём сеять. Я хочу, чтобы это было образцовое поместье. Чтобы люди смотрели на нас и видели, что можно жить по-другому.

Анна подошла к нему и обняла за плечи, глядя на карту вместе с ним.

— Мы справимся, — сказала она, и в её голосе была та же сталь, что и у него. — Мы всегда справлялись. Мы справимся и с этим.

За окном сгущалась ночь, и где-то вдали залаяла собака. А Ростислав смотрел на план поместья и знал — он не просто ищет тайны прошлого. Он строит будущее. И это будущее начинается здесь, на этой старой бумаге, с этой усадьбы, с этой земли, которая ждала его одиннадцать лет.

Когда свеча почти догорела, Ростислав поднял голову и посмотрел на ключ, который лежал на столе рядом с планом поместья. Металл блестел в отблесках огня, и гравировка — «1732» и «М» — казалась почти живой.

— Завтра мы начнём искать, — сказал он, и в его голосе была та же решимость, что и в тот день, когда он впервые взял в руки удочку на берегу Оки. — Завтра мы найдём дверь, которую открывает этот ключ.

Анна взяла его за руку, и в её глазах была та же твёрдость.

— Мы найдём её, — сказала она. — Вместе.

Они сидели при свете догорающей свечи, и за окнами начинался новый день — день, который принесёт новые загадки, новые опасности и новые открытия. Москва ждала их, и Ростислав знал — он готов к тому, что грядёт.

Глава 2

Утро началось с того же промозглого тумана, который, казалось, навсегда поселился в Москве, окутывая улицы и дома плотной белой пеленой, сквозь которую едва пробивались лучи холодного осеннего солнца, похожие на бледные пятна света, которые таяли, не успев коснуться земли. Ростислав шёл по Моховой улице к зданию университета, и каждый его шаг отдавался эхом в пустынных переулках, где только редкие прохожие спешили по своим делам, кутаясь в шинели и шубы, пряча лица от пронизывающего ветра, который дул с Москвы-реки, неся с собой запах сырости, гниющих листьев и дыма от печей, которые топили с раннего утра. Воздух был холодным и влажным, он оседал на одежде мелкими каплями, которые проникали под воротник и заставляли ёжиться. Пахло мокрым камнем, прелыми листьями и дымом, который поднимался из труб ближайших домов, смешиваясь с туманом в единое серое марево, в котором город казался призрачным, ненастоящим, как сон, который вот-вот рассеется.

Университетское здание встречало его величием и строгостью — колонны, высокие окна с тёмными стёклами, массивные двери из тёмного дуба, за которыми скрывался мир знаний и тайн, тех самых тайн, которые он искал и которые, как он знал, могли изменить его жизнь. Ростислав любил это место — здесь он чувствовал себя частью чего-то большего, чем просто наследник рода Лариных, чем просто рыбацкий сын из деревни на Оке. Здесь он был просто студентом, одним из многих, кто искал ответы на вопросы, которые мучили его, кто пытался понять устройство мира, в котором ему предстояло жить.

Он вошёл в вестибюль, где уже толпились студенты — сыновья купцов и дворян, одетые по последней московской моде, в камзолах и шляпах; бедные разночинцы, которые пробивались в жизнь своим умом, в потёртых сюртуках и с бледными, голодными лицами; и те, кто, как и он, искал не только знаний, но и своего места в этом сложном, противоречивом мире, где каждый шаг мог стать последним. Он поздоровался с несколькими знакомыми, но в его голове крутились мысли о ключе, о записке, о дяде Андрее и о том, что означают слова «вода встречается с огнём, и где камень хранит тайну». Он почти не замечал людей вокруг, погружённый в свои размышления.

Он поднялся на второй этаж, где проходили лекции по философии, и вошёл в аудиторию — просторную комнату с высокими потолками, украшенными лепниной, где стояли ряды деревянных скамей, стёртых от времени и множества тел, и кафедра, за которой возвышался профессор Мерзляков. Это был старый, седой человек с пронизательными глазами, в которых светился ум, накопленный за долгие годы изучения философии, истории и тех тёмных уголков человеческой души, о которых предпочитали не говорить вслух. Он был одет в старомодный чёрный сюртук, который был ему велик, и в его руках была трость из чёрного дерева, с набалдашником из слоновой кости, которой он время от времени постукивал по кафедре, привлекая внимание студентов.

— Сегодня мы поговорим о том, как прошлое формирует настоящее, — начал профессор Мерзляков, и его голос, хриплый, но уверенный, как у человека, который привык говорить и быть услышанным, разнёсся по аудитории, заполняя каждый уголок. — История — это не просто набор фактов, господа. Это не перечень дат и имён. Это ключ к пониманию того, кто мы есть и куда идём. Тот, кто владеет прошлым, владеет будущим. Запомните это, господа, ибо эти слова — не просто фраза из учебника. Это закон жизни. Это правило, которое действует независимо от того, верите вы в него или нет.

Ростислав вздрогнул, когда услышал эти слова. Это была та самая фраза, которую он читал в письме дяди Андрея. «Тот, кто владеет прошлым, владеет будущим». Он чувствовал, как по его спине пробегают мурашки, как холодок проходит от затылка до самого копчика. Профессор Мерзляков сказал это не случайно. Он знал. Он ждал этого момента, ждал, когда

кто-то придёт и услышит эти слова. Он ждал, что кто-то, кто ищет правду, окажется в этой аудитории.

После лекции, когда студенты начали собирать вещи и расходиться, Ростислав подошёл к кафедре, стараясь не привлекать внимания, и тихо спросил:

— Профессор, могу я задать вам вопрос?

Мерзляков поднял на него глаза, и в них мелькнула искра — искра узнавания, как у человека, который увидел того, кого ждал долгие годы, как у старого охотника, который наконец увидел след зверя, которого выслеживал всю жизнь.

— Конечно, молодой человек, — сказал он, и голос его стал мягче, почти отеческим, в нём появилась та теплота, которую редко можно услышать в голосе старого профессора. — Вы, наверное, хотите спросить о том, что я сказал в конце лекции. Я видел, как вы вздрогнули.

— Да, — сказал Ростислав, и в его голосе была та же твёрдость, что и всегда, но внутри он дрожал от волнения. — Откуда вы знаете эту фразу?

Мерзляков помолчал, оглядываясь по сторонам, проверяя, не смотрит ли на них кто-то с лишним вниманием, и потом тихо сказал, почти шёпотом:

— Я знал вашего дядю, Андрея Ларина. Мы были друзьями. Мы вместе состояли в ордене «Молчаливых». Он часто говорил эту фразу, когда мы обсуждали нашу работу. Он говорил, что тайны прошлого — это оружие, которое может изменить будущее. Он верил в это до самой своей смерти.

— Вы знали моего дядю? — переспросил Ростислав, и в его голосе было удивление, смешанное с надеждой. — Вы знали, что он сделал? Почему он спрятал архив?

— Я знал, — сказал Мерзляков, и в его глазах была та же сталь, что и у Ростислава, та самая сталь, которая появляется у людей, прошедших через огонь и воду. — И я знаю, что вы ищете. Ключ, который вы нашли, — это не просто ключ. Это — часть чего-то большего. Но здесь не место для таких разговоров. Приходите ко мне сегодня вечером, на дом. Я скажу вам всё, что знаю. Всё, что мне известно.

Он написал Ростиславу адрес на клочке бумаги — «Покровка, дом дьякона, квартира 3» — и быстро вышел из аудитории, оставляя Ростислава одного с новыми вопросами и новой надеждой, которая теплилась в его груди, как маленький огонёк в ночи.

Когда Ростислав вышел из университета, он заметил их сразу — двух студентов, которые стояли у входа, прислонившись к колоннам, и смотрели на него с тем странным вниманием, которое нельзя спутать с обычным любопытством. Они были похожи друг на друга — высокие, худые, с бледными лицами, на которых не было ни кровинки, и тёмными, почти чёрными глазами, которые, казалось, видели всё и не пропускали ничего. Братья Соколовы. Ростислав уже слышал о них — говорят, они были из обедневшей дворянской семьи, но учились хорошо и держались особняком, ни с кем не сближаясь, как будто им было что скрывать.

— Ростислав Ларин? — спросил один из них, тот, что постарше, с более жёсткими чертами лица и холодными глазами, которые напоминали глаза хищной птицы. — Мы хотели бы поговорить с вами. Это займёт всего несколько минут.

— О чём? — спросил Ростислав, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно, хотя внутри всё сжалось от напряжения.

— О вашем дяде, — сказал второй, и в его голосе была та же холодность, что и у брата, та же сталь, которая резала слух. — Мы знаем, что вы ищете. Мы знаем, что вы нашли ключ. Мы хотим предупредить вас — это опасно. То, что вы ищете, может уничтожить вас. И не только вас. Тех, кто с вами.

— Я не боюсь опасности, — сказал Ростислав, и в его голосе была сталь, которая не гнётся. — И я не собираюсь отказываться от того, что ищу. Это моя судьба.

Братья переглянулись, и в их глазах мелькнула тень — тень уважения или тень угрозы, Ростислав не мог понять. Они были как две стороны одной монеты — одинаковые и одновременно разные, и он не знал, кому из них можно верить, если верить можно вообще.

— Мы будем следить за вами, — сказал старший, и его голос стал тише, но ещё более угрожающим. — Чтобы вы не сделали ничего глупого. Мы не враги вам. Мы — те, кто хочет защитить вас от правды, которая может быть слишком тяжёлой.

Они развернулись и ушли, растворившись в толпе, которая текла по улице, как река. А Ростислав стоял на ступенях университета, глядя им вслед, и чувствовал, как в его груди поднимается холодная волна — волна страха и решимости одновременно. Он знал — это только начало. И что он должен быть осторожным, потому что за ним следят не только эти двое. Кто-то ещё знает о его поисках, и этот кто-то готов на всё, чтобы остановить его.

В это же время Анна сидела в университетской библиотеке, в той самой, где Ростислав нашёл записку, перебирая старые книги и документы, которые профессор Зверев любезно предоставил ей для изучения. Это была огромная, величественная комната с высокими сводами, где пахло пылью, старой бумагой, кожей и воском, где стояли длинные дубовые столы и где тишина была такой глубокой, что можно было услышать, как падает перо на пол. Анна была погружена в мир старых бумаг, пахнущих временем, и её глаза горели тем азартом, который появлялся у неё, когда она приближалась к разгадке.

— Вы нашли что-то интересное? — раздался голос за её спиной, мягкий и вкрадчивый, как у кота, который подкрадывается к добыче.

Анна обернулась и увидела профессора Зверева. Он стоял у неё за спиной, и в его глазах была та же теплота, которую он проявлял к Ростиславу, но Анна чувствовала в нём что-то другое — какую-то скрытую глубину, которую она не могла разгадать, какой-то подтекст, который ускользал от неё.

— Да, — сказала она, показывая ему старую карту, которую нашла в книге по истории Москвы, вложенную между страниц, как будто кто-то специально оставил её там. — Я нашла карту Москвы 1730-х годов. Здесь отмечены несколько зданий, которые могли быть связаны с орденом «Молчаливых». Видите эти крестики на карте? Их семь.

Зверев наклонился к карте, и в его глазах мелькнула искра — искра, которую Анна не могла прочитать, но которая ей не понравилась.

— Это удивительная находка, — сказал он, и в его голосе было искреннее восхищение. — Вы обладаете редким талантом, Анна. Я хотел бы предложить вам доступ в закрытые архивы университета. Там хранятся документы времён Анны Иоанновны, которые могут быть полезны для вашего исследования. Там есть материалы, которых нет ни в одной другой библиотеке.

Анна почувствовала, как внутри неё поднимается волна — волна доверия и волна осторожности одновременно. Она знала, что это предложение слишком хорошо, чтобы быть случайным, слишком вовремя, чтобы быть искренним. Но она также знала, что это может быть ключом к разгадке, что это может быть тем самым шагом, который приблизит их к архиву.

— Спасибо, — сказала она, улыбнувшись той спокойной улыбкой, которую она научилась использовать, когда нужно было скрыть свои истинные чувства. — Я с радостью воспользуюсь вашим предложением.

Они договорились встретиться завтра в архиве, в десять часов утра, и Анна покинула библиотеку с новым чувством — чувством, что она на шаг ближе к разгадке, но и чувством тревоги, которая не отпускала её. Она не знала, что профессор Зверев долго смотрел ей вслед, и в его глазах была та же холодность, что и у братьев Соколовых, та же сталь, которая резала слух, та же тень, которая лежала на всём, что он делал.

Вечером, когда Ростислав и Анна встретились в своей квартире на Арбате, они обменялись новостями. Ростислав рассказал о профессоре Мерзлякове и его приглашении на дом, а Анна — о профессоре Звереве и его предложении доступа в закрытые архивы. Свеча горела

на столе, отбрасывая тёплый свет на их лица, а за окном сгущалась тьма и начинался дождь — мелкий, холодный, осенний, который стучал по стёклам, как пальцы невидимого музыканта.

— Это не совпадение, — сказал Ростислав, глядя на неё, и в его глазах была та же твёрдость, что и всегда, но теперь в ней появилась тревога. — Профессор Зверев появился слишком вовремя. И братья Соколовы тоже. Кто-то знает, что мы ищем, и хочет либо помочь нам, либо остановить нас. Возможно, и то, и другое одновременно.

— Я думаю, мы должны быть осторожными, — сказала Анна, и в её голосе была тревога, которую она не могла скрыть. — Но мы не можем остановиться. Мы должны идти дальше. Мы должны найти этот архив.

Ростислав взял её за руку и сжал её, чувствуя тепло её ладони, её доверие, её любовь.

— Мы пойдём дальше, — сказал он, и в его голосе была уверенность. — Вместе. Но мы будем осторожны. Мы будем смотреть в оба.

Он посмотрел на ключ, который лежал на столе, и в его голове щёлкали шестерёнки, как в часовом механизме. Он знал — завтрашний день принесёт новые ответы или новые вопросы. И он был готов к этому.

На следующий день, оставив Анну в библиотеке, Ростислав отправился в поместье Лариных, которое находилось в двадцати верстах от Москвы, на берегу небольшой речки, притока Москвы-реки. Дорога заняла около двух часов — тряская телега, которую он нанял у городского извозчика, плохая дорога, разбитая осенними дождями, грязь, которая хлюпала под колёсами, и холодный ветер, который пронизывал до костей. Но когда он увидел усадьбу, его сердце сжалось. Это была тень того, что когда-то было величественным поместьем — дом с обвалившейся крышей, заросшие поля, где вместо колосьев рос бурьян, сгнившие амбары, пустые, молчаливые конюшни, которые скрипели на ветру, как старые кости. Только несколько крестьянских изб дымились вдали, но и те выглядели полупустыми и заброшенными.

Он вошёл в дом, и запах сырости, плесени и запустения ударил в нос, смешиваясь с запахом старого дерева и пыли, которая висела в воздухе, как траурный саван. Внутри было пусто — только старая мебель, покрытая слоем пыли, несколько икон в углу, на которых почти не было видно ликов, и паутина, которая свисала с потолка, как траурная драпировка. Но Ростислав чувствовал, что это место — его. Его земля. Его наследие. Его будущее.

Он встретился с крестьянами — их осталось всего двадцать душ, старики, женщины и несколько подростков, которые смотрели на нового барина с недоверием и надеждой одновременно. Они стояли на площади перед домом, сбившись в кучу, и в их глазах был страх и ожидание — страх перед новым хозяином, который мог оказаться таким же жестоким, как и старые, и надежда, что этот будет другим.

— Я не буду драть с вас три шкуры, — сказал он, и голос его был твёрдым, но добрым, без той надменности, которая была свойственна многим дворянам. — Я буду платить вам за работу. Я буду строить новые дома. Я буду восстанавливать хозяйство. Но я хочу, чтобы вы помогли мне. Вместе мы поднимем это поместье.

Крестьяне переглянулись, и в их глазах мелькнула та искра, которая появляется у людей, когда они видят, что кто-то действительно хочет им помочь, а не просто использовать их труд.

— Мы поможем, барин, — сказал один из них, старый дед с седой бородой и добрыми, морщинистыми глазами, которые смотрели на мир с той мудростью, которая приходит только с годами. — Мы верим вам.

Ростислав нанял управляющего — отставного капитана Кольцова, который служил в Инженерном корпусе и знал толк в строительстве. Это был высокий, худой человек с седыми усами, пронизательными глазами и руками, которые привыкли к работе. Он смотрел на мир с той же практичностью, что и Ростислав, и в его голосе была та же твёрдость.

— Мы начнём с ремонта крыши, — сказал Кольцов, разворачивая план усадьбы на столе в пустой гостиной, который он привёз с собой. — Потом — амбары и скотный двор. Я уже

составил смету — нам нужно сто брёвен, тысяча кирпичей и двадцать работников. Если вы дадите мне деньги, я организую всё в течение месяца.

Ростислав внимательно изучил смету, задавая вопросы о каждой позиции — о качестве древесины, о цене кирпича, о количестве работников и их оплате. Он не хотел быть тем баринном, который тратит деньги бездумно, не зная, куда они уходят. Он хотел быть хозяином, который знает каждую копейку и каждый гвоздь.

— Хорошо, — сказал он, откладывая бумаги и глядя Кольцову прямо в глаза. — Я дам вам деньги на первую половину работ. Но я хочу, чтобы вы докладывали мне о каждом этапе работ. Я хочу знать, что происходит в моём поместье, каждую неделю. Я хочу видеть отчёты о расходах.

Кольцов кивнул, и в его глазах было уважение — уважение человека, который привык к тому, что помещики ничего не понимают в хозяйстве, к тому, что этот молодой барин был другим.

— Вы не похожи на других помещиков, — сказал он, и в его голосе была искренняя оценка. — Вы вникаете в дело. Это редкость. Это хорошо.

Ростислав улыбнулся, и в его груди поднялась гордость — не та, что от титула или богатства, а та, что он строит новое, создаёт будущее для себя и для тех, кто зависит от него. Он смотрел на поля, на лес, на реку, которая виднелась вдали, и чувствовал, это — его земля. Его опора. Его начало.

Когда он вернулся в Москву, было уже темно. Он сидел на кухне своей квартиры, пил чай с Анной и смотрел на ключ, который лежал на столе, блестя в свете свечи. Он чувствовал, что его жизнь теперь — это не только тайны и заговоры, не только поиски архива и расшифровка старых писем. Это — строительство, труд, ответственность. И он готов нести её.

— Мы справимся, — сказал он, глядя на Анну, и в его голосе была уверенность. — Мы справимся со всем. С тайнами, с поместьем, с будущим. Вместе.

Анна улыбнулась и взяла его за руку, и в этом прикосновении было столько тепла, сколько может дать только настоящая любовь.

— Я знаю, — сказала она. — Мы всегда справлялись.

Глава 3

Утро началось с серого, непроглядного неба, которое нависало над Москвой, как тяжёлая свинцовая крыша, готовая обрушиться в любой момент, задавив город своей мертвенной тяжестью. Дождь моросил с ночи — мелкий, холодный, осенний, который пронизывал до костей и заставлял людей прятаться по домам, кутаясь в шубы и шинели, зажигать печи и пить горячий чай с мёдом, чтобы согреться. Москва-река вздулась и потемнела, её воды несли клочья пены, обломки досок и жёлтые листья, которые кружились в водоворотах, как утопленники в последнем танце. Улицы обезлюдели — только редкие прохожие спешили, сгорбившись под дождём, пряча лица за высокими воротниками; извозчики прятались под навесами, куря трубки и поглядывая на небо, где не было ни просвета, ни надежды на погоду; и только собака, промокшая до нитки, бродила по лужам в поисках укрытия, её шерсть свалилась колтунами, а глаза были полны тоски.

Ростислав стоял у окна своей квартиры на Арбате, глядя на эту промозглую картину, и сжимал в руке старый ключ, чувствуя его холодный металл, который, казалось, впитывал в себя всю сырость этого утра. В его голове крутились слова записки: «Ключ откроет дверь, но дверь не там, где ты думаешь. Ищи там, где вода встречается с огнём, и где камень хранит тайну». Он перебирал возможные значения — вода, огонь, камень, — и чувствовал, как загадка становится всё ближе и одновременно всё дальше.

— Ты готов? — спросила Анна, выходя из спальни. Она была одета в тёплое дорожное платье тёмно-зелёного цвета, с высоким воротником, и вязаную шаль, которую Марфа связала ей перед отъездом, — она берегла её как память о доме. В руках она держала карту Москвы 1730-х годов, которую нашла в библиотеке, старую, пожелтевшую, с выцветшими чернилами и потёртыми краями. — Я думаю, я знаю, где искать. Я провела всю ночь над этой картой. Здесь есть кое-что, что я пропустила в прошлый раз.

Ростислав обернулся к ней, и в его глазах был вопрос.

— Где?

Анна развернула карту на столе, придавив углы книгами — старыми фолиантами, которые они привезли из поместья, чтобы она не сворачивалась. Это была карта Китай-города, лабиринт улиц и переулков, где в XVIII веке кипела торговля — тканями, пряностями, лесом, железом и теми товарами, о которых не говорили вслух. Анна провела пальцем по одной из линий, которая вела к старому складу на Никольской улице, отмеченному едва заметным крестиком.

— Здесь, — сказала она, и в её голосе была уверенность, та особенная уверенность, которая появляется у исследователя, когда он находит нужную зацепку. — Я нашла записи в архиве университета — старые торговые книги, которые никто не смотрел последние пятьдесят лет. Купец Григорьев, которому принадлежал этот склад, был близким другом твоего дяди. Они вместе торговали лесом, а потом — вместе занимались тем, о чём не говорят вслух. Его склад — это одно из мест, где могли быть тайники.

Ростислав посмотрел на карту, и в его груди поднялась волна — смесь предчувствия и решимости, как перед прыжком в холодную воду. Он знал, что этот склад может быть ключом к разгадке, тем самым недостающим звеном, которое свяжет всё воедино. Или ловушкой, в которую они попадут, если не будут осторожны.

— Идём, — сказал он, пряча ключ во внутренний карман сюртука, рядом с сердцем. — Мы должны проверить это. Сейчас, пока дождь не разогнал всех с улиц.

Дорога к Китай-городу заняла около часа — они шли пешком, потому что извозчики брали слишком дорого в такую погоду, а экипажи было трудно найти даже за тройную цену. Дождь усиливался, и к тому времени, как они добрались до Никольской улицы, они промокли

до нитки — вода стекала с полей их шляп, пропитывала одежду и просачивалась под воротники, заставляя их ёжиться. Но Ростислав не замечал холода — он был сосредоточен на поиске, на той цели, которая манила его вперёд, как маяк в ночи. Анна шла рядом, и в её глазах горел тот же огонь, что и у него — огонь, который не гаснет даже в самый сильный дождь.

Склад стоял в глубине двора, за рядом старых, полуразрушенных лавок, которые когда-то торговали тканями, пряностями и сушёной рыбой. Теперь они были заброшены, их двери зияли пустыми провалами, а вывески почти стёрлись. Склад был массивным зданием из тёмного, почерневшего от времени кирпича, с высокими окнами, заколоченными досками, и массивными железными воротами, покрытыми ржавчиной и временем. Казалось, что сюда никто не заходил уже много лет — паутина закрывала вход, трава пробивалась сквозь щели в мостовой, и только свежие следы на земле говорили о том, что кто-то бывал здесь недавно. Очень недавно.

— Здесь, — сказал Ростислав, подходя к воротам и пытаясь отодвинуть засов. Он был тяжёлым и заржавевшим, но после нескольких попыток поддался, издав протяжный, скрипучий звук, который разнёсся по пустынному двору, как предупреждение.

Они вошли внутрь. В складе было темно и сыро — пахло плесенью, старым деревом, гниющим тряпьем и чем-то сладковатым, что напоминало запах гниющих фруктов или, может быть, старого масла. Свет едва проникал сквозь щели в стенах, отбрасывая на пол длинные, дрожащие тени, которые двигались, как живые существа, как будто сам склад дышал и наблюдал за ними. В углах стояли старые бочки, ящики и мешки с чем-то, что давно превратилось в труху. На полу лежал слой пыли и грязи, в котором виднелись следы — свежие следы сапог, которые вели к противоположной стене.

— Кто-то был здесь, — сказала Анна, приседая на корточки и рассматривая следы с той внимательностью, которая была свойственна ей как исследователю. — Недавно. Может быть, вчера или сегодня утром. Следы ещё не затянулись пылью.

Ростислав подошёл к стене и начал ощупывать её руками. Кирпичи были старыми, шершавыми, но некоторые из них казались чуть более тёмными, чем остальные — как будто их перекладывали недавно. Он постучал по ним — звук был глухим, как будто за стеной была пустота, а не земля или кладка.

— Здесь, — сказал он, обернувшись к Анне. — Дай мне нож.

Она протянула ему небольшой складной нож с костяной рукояткой, который они всегда носили с собой, и Ростислав начал поддевать кирпичи. Они поддавались легко, как будто их специально не укрепляли, как будто кто-то хотел, чтобы их нашли. За ними оказалась небольшая ниша, а в ней — железный люк с массивным замком, покрытый зеленоватым налётом, но без следов ржавчины, как будто его недавно смазывали маслом.

Ростислав достал ключ и вставил его в замок. Он подошёл идеально — с тихим, но отчётливым щелчком, который разнёсся по складу, как выстрел, как удар молота по наковальне.

— Это он, — прошептал он, поворачивая ключ. — Это та самая дверь.

Люк открылся, и из него пахнуло холодом — тем особым, сырым холодом, который бывает только в подвалах и подземельях, куда никогда не проникает солнце, где воздух застаивается и становится тяжёлым, как вода. Вниз вела каменная лестница, покрытая мхом и слизью, которая уходила в темноту, в самое сердце земли, как будто в преисподнюю.

— Я пойду первым, — сказал Ростислав, зажигая свечу, которую они взяли с собой. — Ты иди за мной, но держись на расстоянии. Если что-то случится — беги за помощью. Не оглядывайся.

— Никуда я не побегу, — сказала Анна, и в её голосе была та же твёрдость, что и у него, та же сталь, которая не гнётся. — Мы вместе. Я не оставлю тебя одного.

Они спустились вниз. Лестница была крутой, ступени — скользкими, покрытыми зелёной слизью, которая хлюпала под их ногами, как живая плоть. Воздух становился всё холод-

нее, и в нём появился новый запах — запах сырой земли, гнилого дерева и ещё чего-то, что Ростислав не мог определить, но что заставляло его сердце биться быстрее и ладони — потеть. Это был запах древности, времени, которое остановилось, запах того, что лежало здесь десятилетиями, ожидая, когда его найдут.

Внизу оказался небольшой подвал с каменными стенами и сводчатым потолком, сложенным из тёмного, почти чёрного камня. В центре стоял железный сундук — массивный, с коваными углами и большим замком, украшенным замысловатым узором. Он выглядел старым, но на нём не было ржавчины — его, видимо, недавно принесли сюда, чтобы сохранить от времени и сырости.

— Сундук, — сказал Ростислав, подходя к нему. — Это может быть архив. Тайник, который искал мой дядя.

Он попытался открыть его, но крышка была закрыта на замок. Он попробовал поддеть её ножом, но не смог — железо было слишком прочным, а замок — слишком сложным. Тогда он ударил по нему кулаком — и крышка поддалась, как будто её не запирали, как будто кто-то специально оставил её открытой, чтобы они нашли то, что внутри.

Он поднял её.

Внутри лежал череп — старой, пожелтевший череп с провалившимися глазницами, которые смотрели на него пустыми, мёртвыми глазами, и потрескавшейся костью, на которой виднелись следы времени. Рядом с черепом лежал старый кинжал, с рукоятью из тёмного, почти чёрного дерева, украшенной серебряной насечкой, на которой была выгравирована надпись:

«Кто ищет — найдёт, но найдёт ли он, что искал?».

Ростислав отшатнулся, и Анна вскрикнула — коротко, сдавленно, как от боли. Они смотрели на это, и в их головах билась одна мысль — это ловушка. Кто-то опередил их, кто-то знал, что они придут, и оставил это предупреждение, это послание, которое говорило им, что они не одни в этой игре.

— Это — угроза, — сказал Ростислав, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Кто-то хочет, чтобы мы остановились. Кто-то боится того, что мы можем найти.

— Мы не остановимся, — сказала Анна, и в её голосе была сталь, которую не сломать. — Мы пойдём дальше.

Ростислав посмотрел на неё, и в его глазах была та же твёрдость.

— Мы пойдём дальше, — сказал он. — Но мы будем осторожны. Мы будем смотреть в оба.

Когда они вышли из склада, дождь уже закончился, и сквозь облака пробивался бледный, робкий луч солнца, который освещал мокрые камни и лужи, сверкающие, как зеркала, отражая серое небо. Ростислав стоял на улице, держа в руках кинжал и череп, и чувствовал, как внутри него поднимается холодная волна — не страха, а решимости. Он знал, что это — только начало, что впереди их ждут новые испытания и новые опасности. Но он не позволил страху взять верх. Вместо этого он взял себя в руки и решил использовать этот день для другого дела — для дела, которое могло дать ему опору в этой борьбе.

Он вспомнил, что купец Григорьев, чей склад они только что обыскали, когда-то был известным поставщиком леса для московского строительства. Его контора всё ещё существовала — её возглавлял его сын, Пётр Григорьев, который продолжал отцовское дело. Ростислав решил найти его и поговорить с ним о прошлом, о тайнах, о том, что он знает.

Контора располагалась в старом купеческом доме на Ильинке, в двух кварталах от склада. Это было внушительное здание с большими окнами и дубовой дверью, на которой висела табличка: «Торговый дом Григорьевых. Лес, кирпич, железо». Ростислав вошёл внутрь, и его встретил запах свежей древесины, масла и дёгтя — тот самый запах, который напоминал ему о деревне, о лесе, о доме, о тех временах, когда он был просто рыбацким сыном.

За прилавком стоял пожилой приказчик в длинном сюртуке — сухой, аккуратный человек с серыми глазами и тонкими губами, смотревший на мир с той осторожной внимательностью, которая свойственна людям, привыкшим считать каждую копейку и знать цену каждому слову. Он оглядел Ростислава с головы до ног, оценивая его одежду и манеры, и в его глазах мелькнула тень — тень узнавания.

— Вы по делу? — спросил он, и в его голосе была вежливая холодность, которую не обманешь.

— Я хотел бы поговорить с хозяином, — сказал Ростислав, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — По поводу поставок леса. И по поводу моего дяди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.